

ИЗ РАССКАЗА "ПЕРВЫЙ ГОНОРАР"

Было еще очень рано, и в редакционной комнате, наполовину занятой биллиардом, никого, даже секретаря, кроме нас двоих, не было. Некрасов взглянул на меня боком, как-то исподлобья и точно пронизал этим взглядом.

- Я прочитал вашу вещь, и мы ее напечатаем! - глухо проговорил он прямо в упор, не спуская с меня пронизывающего взгляда. - Рад вас видеть!..

Я почувствовал, как целым потоком хлынула вся кровь мне в голову, как зажглись мои бледные щеки...

- Садитесь... Давно начали писать?

Я сказал... Он расспросил меня обо многом, и, когда я кончил, он насупился и заходил по комнате, заложив руки.

- Конечно, не мне отрывать вас от того, куда влечет вас сердце, - начал он сурово и хмуро, как бы ища слов, - но я все-таки скажу вам: берегите себя... Из вас может выработаться писатель...

Он остановился и посмотрел на меня пристально и прямо, и я точно окаменел от этих слов и взгляда.

- Я не скажу теперь, что вы - талант, - продолжал он, стоя, - потому что у нас определить это трудно... наших писателей часто хватает только на одну или две вещи... Странно это, - но это так... Вон хоть Куцевский написал одну очень хорошую вещь, а дальше и ничего!..¹ Судьба уж, видно, у нас такая... Но все-таки, повторяю вам: из вас может выработаться писатель, и вы поберегите себя... У вас есть чувство, вы умеете любить и... - он улыбнулся.

- И кусаться!-- добавил он, все так же улыбаясь, причем его глаза сверкнули мне из-под сдвинутых бровей ласковой и мягкой улыбкой.

А я сидел и не верил, казалось, самому себе, своему счастью, - не верил: мои ли уши слышат, мои ли глаза видят... Но я не спал, не грезил, - великий поэт, разбудивший наши сердца и затепливший в них святые искры любви и веры,-- действительно предо мной, и вы сами поймите мое состояние... Друг мой - про нас говорят, что мы вообще отрицали авторитеты... Я, конечно, не хочу спорить, но я все-таки сделаю малую оговорку... Что бы там ни говорили, своих великих людей мы умели ценить, мы умели быть благодарными и в грязь их не топтали... Тех, что учили нас любить и мыслить, мы ставили так высоко, как им, конечно, никогда и не снилось, а пыль, приставшую к их подошвам, - потому что они, как и все, ходили по земле, - мы умели отделять от их светлого духовного образа... И потому, пока говорил Некрасов, я только слухом, казалось, ловил его слова... Внутри копошилась такая масса смешанных чувств восторга, благодарности и любви к родному поэту, так рвались они наружу, так много хотелось сказать устам, скованным такой массой, что я только то бледнел, то краснел... А он все говорил; говорил о значении литературы, о долге писателя... о... ну, да о многом...

Когда я встал, он, не выпуская моей руки, спросил меня уже совсем мягко и просто:

- Вам нужны деньги?

Вместо ответа я вспыхнул.

- Ну, да, конечно! - продолжал Некрасов, улыбаясь. - Я заплачу вам на первый раз по семьдесят пять рублей за лист, - подождите...

Он вышел в соседнюю комнату и вынес сторубливую бумажку.

- Вот вам пока за лист... У вас нет сдачи?

- Нет!-- улыбнулся и я на его улыбку.

- Тем лучше... Возьмите все... Там уж сочтемся! Теперь вы и сами нарисуете себе мое состояние, то счастливое, беспредельно счастливое состояние, какое редко повторяется в жизни... Голова у меня кружилась, сердце билось учащенно, я куда-то шел, все еще судорожно сжимая в руке первую собственную радужную бумажку, а в груди у меня царил какой-то необъятно счастливый покой, безмятежность, лишенная всяких тревог и сомнений... Я все шел и что-то насвистывал, как молодой щегленок, когда солнце, прорвавшись сквозь нависшие серые тучи, оживит все окрест своими светлыми, благодатными лучами... Я не думал, ровно ничего не думал, а все только шел и шел... Да и что мог бы я думать?! Если бы мне протянули самую роскошную диадему, если бы все блага мира повергли к моим ногам,-- я отвернулся бы равнодушно, прошел бы мимо, даже не заметив, потому что, мне казалось, я имел больше, неизмеримо больше... Я помню, в это прелестное майское утро мне все улыбалось - и солнце, и стены домов, и Нева, на набережной которой я вдруг очутился, и воздух, и реявшие в нем ласточки, щебетавшие мне, казалось, все то, что за несколько минут перед тем говорил поэт... Я сам улыбался всему, насвистывал что-то и все шел и шел...

Примечания

Революционер-народник, писатель, автор стихотворения "Последнее прости", ставшего народной революционной песней ("Замучен тяжелой неволей..."), Григорий Александрович Мачтет (1852--1901) был одним из поклонников Некрасова. Он писал в "Автобиографии" (1896) "<...>в юношеские годы, когда начинает формироваться человек, а душа искать идеала, наибольшее впечатление на меня имели поэзия Некрасова и журнал "Современник". Им я обязан если не всем, то, во всяком случае, более всего" (ГБЛ, ф. 77, карт. 21, ед. хр. 34).

До приезда в Петербург в конце 1874 года Мачтет побывал в Америке (там он хотел создать земледельческую коммуну), в Германии. В 1875 году он принес Некрасову свой очерк "Германия" (ОЗ, 1875, No 6). Через пятнадцать лет свою встречу с Некрасовым он описал в рассказе "Первый гонорар" (1890). По условиям времени Мачтет не мог воспроизвести полностью содержание своего разговора с Некрасовым. Содержание этого разговора уточнил товарищ Мачтета Д. П. Сильчевский. Мачтет, по его словам, говорил Некрасову, что "он, как убежденный социалист, намерен отдать свои труды, собственно, не литературе, а преимущественно политической пропаганде" (Д. П. Сильчевский, Григорий Александрович Мачтет. - "Полное собрание сочинений Г. А. Мачтета", "Просвещение", СПб. 1911, стр. XIX). Это намерение, судя по рассказу, не вызвало у Некрасова возражений.

С Некрасовым Мачтет больше не встречался: в августе 1876 года он был арестован, посажен в Петропавловскую крепость, а в конце 1877 года выслан в Архангельскую губернию.

Печатается по изданию: Г. А. Мачтет, Избранное, Гослитиздат, М. 1958, стр. 514--516.

¹ Стр. 275. Речь идет о романе И. А. Кушевского "Николай Негорев, или Благополучный россиянин" (ОЗ, 1871, NoNo 1--4). Новое произведение, обещанное Кушевским редакции "Отечественных записок", так и не было завершено (см. письма Кушевского Некрасову 1871 - 1872 годов: ЛН, т. 51--52, стр. 350--353).